

Эдуард РУСАКОВ

Красноярск

Эдуард Иванович Русаков родился в 1942 году в Красноярске. Окончил в 1966 году медицинский институт, около 15 лет работал врачом-психиатром, заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Пишет со школьных лет, начинал со стихов. Первая публикация — рассказ «Обманщик» («Енисей», 1966). Первая книга — «Конец сезона» (Красноярск, 1979), в том же году был принят в Союз писателей СССР. Член Союза российских писателей, член Международного ПЕН-клуба,

член редколлегии журнала «Сибирские огни». Автор 15 книг, которые выходили в Красноярске, Москве, Будапеште, Софии. Живёт в Красноярске.

КРАПИВА

Волков не был на этом кладбище лет двадцать. С того дня, как похоронил мать, — ни разу. Сразу после поминок уехал в длительную командировку, потом, после возвращения, развёлся с женой, оставил её с двумя детьми и вскоре надолго покинул родной город. Про мать старался не вспоминать. Она его сильно обидела — завещала свою однокомнатную квартиру не ему, а его брату, своему младшему сыну. Хотя при жизни, да и незадолго до смерти, недвусмысленно намекала, что оставит приватизированную квартиру ему, Волкову. И это было бы вполне логично и справедливо: ведь он один ухаживал за матерью в последние месяцы её жизни, на него одного легли все тяготы. А где был в это время младший брат? То учился в университете, то бросал его, то где-то работал, то тунеядствовал, пьянствовал, пребывая на содержании у сомнительных женщин. Разве можно было такому — отдавать квартиру? И больную мать он почти не навещал, заходил, только чтобы выклянчить десятку из её скудной пенсии. И ни разу ведь не помог, не принёс ни лекарств, ни хлеба, ни разу не поинтересовался — нужна ли помощь. А ведь он-то, Волков, он так рассчитывал на эту квартиру — ведь он давно собирался (и мать это знала) развестись с женой и начать новую жизнь. И вот — сюрприз: мамочка завещала квартиру не ему, а беспутному Славке! Волков был оскорблён, шокирован. И за все эти годы ни разу не пришёл на могилу матери.

Несколько лет он прожил во Владивостоке, вторично женился, но вскоре развёлся снова, счастье напрочь

отвернулось от него, всё рушилось — и карьера, и здоровье, и вся жизнь пошла под откос. Гипертония, бессонница, геморрой. Волков вернулся в родной город, где его никто не ждал; долго не мог устроиться на работу, инженеры его профиля не были нигде нужны; наконец его взяли менеджером в одну мелкую коммерческую фирму. Он снимал комнату в домике на окраине. Узнал, что брат давно умер, а квартиру матери успел продать и пропить. Псу под хвост — и квартира, и семейное счастье, и работа. Вся жизнь — псу под хвост.

Заглушая тоску, Волков пил каждый вечер, закрывшись в своей комнатёнке. Выпивал бутылку водки, разговаривал сам с собой, бурно плакал, раскачивался взад-вперёд, сидя за столом и потрясая сжатыми кулаками. Иногда вставал, подходил к зеркалу, грозил сам себе пальцем, снова плакал. Потом падал в кровать, разбросав одежду по полу. Засыпал как убитый и спал без снов.

Но в последние ночи ему вдруг стала сниться покойная мать. Она виделась ему во сне совсем как живая, как будто и не умирала совсем. В одном из таких сновидений мать явилась пред ним поразительно молодой, какой была в его давние детские годы, о которых он не только давно уж не вспоминал, но даже совсем и не помнил. И вот надо же — в этом ярком сне она была такая живая, красивая, молодая... в крепдешинном сиреневом платье... и протягивала к нему руки, и звала, и смеялась, и брала его, малыша, на руки, прижимала его к груди... и он просыпался весь в слезах, с отчаянно бьющимся сердцем, и долго не мог отдышаться, прийти в себя. И, конечно же, после этого он уж больше заснуть был не в силах.

Эти мучительные, душераздирающие сны стали повторяться каждую ночь. Мать являлась ему в разных возрастных обликах и разных ситуациях, но в покое его она не оставляла. Волков боялся ложиться спать — неизбежно появляющаяся мать истерзала его, измучила. Последний раз она ему приснилась больной, умирающей, совсем такой, как двадцать лет назад, исхудавшей, бледной, в одной рубашке, — она медленно подошла к нему и с упрёком произнесла: «Почему ты не хочешь меня навестить? Я соскучилась... Приходи, сыночек!»

Проснувшись, он понял, что с этим надо кончать. Жить так дальше было невыносимо. Надо срочно проведать могилу матери — и тогда эти сны прекратятся, и она оставит его в покое.

В тот же день, ближе к вечеру, после работы, он поехал на старое кладбище. Сунул в сумку бутылку водки, стакан, батон, два помидора. Возле кладбищенских ворот купил дешёвый веночек из искусственных ромашек. Долго искал могилу. На этом кладбище уже более десяти лет были запрещены новые захоронения, многие могилы пребывали в запустении, никем не посещались. За всё лето (а стоял уже август) на кладбище бурно разрослись полынь и крапива. Могила матери находилась в самом дальнем и самом заброшенном и забытом конце кладбища, и чтобы приблизиться к ней, Волкову долго пришлось продираться сквозь густые и жгучие заросли пыльной крапивы, вымахавшей в рост человека. Размахивая подобранной на дороге палкой, Волков крушил налево и направо толстые и колючие стебли, но они лишь пригибались и тут же распрямлялись вновь. Запыхавшийся, красный, потный, он, наконец, пробился к могиле. Постоял, прислонившись к оградке, унимая одышку. Потом долго распутывал ржавую проволоку на дверце. Могила тоже вся заросла бурьяном. Волков притоптал траву, слегка очистил могильный холмик от мусора, потом присел на скамейку возле железного столика. Удивительно, как он ещё отыскал могилу. Ведь столько лет прошло! Не менее был удивлён он и тем, что на железной пирамидке, под звёздочкой, сохранился керамический овальный портрет матери. На этом портрете, потускневшем, но вполне различимом, мать была не очень старой, улыбающейся, её светлые глаза лучились любовью и добротой.

Посмотрев на лицо матери, Волков нахмурился и отвёл глаза. Потом достал из сумки бутылку и скудную закуску. Налил полный стакан, ещё раз глянул на улыбающееся лицо матери, глубоко вздохнул — и залпом выпил.

— Со свиданьем, — буркнул он, закусывая водку батоном и помидором. — Ты уж, мать, не сердись, что я так долго не появлялся... Сама виновата. Не надо было меня обижать. Я ж просил тебя — помнишь? — оставь мне квартиру — и я бы наладил всю свою жизнь, у меня ж было всё

продумано... Если б ты сделала как я просил, я бы... Да я бы сейчас жил как король! Мне в ту пору всё удавалось, всё плыло в руки. А ты своим завещанием — как нож в спину! Зачем ты так, мама?!.. Славка продал и пропил твою квартиру и сам загнулся. А я? И моя жизнь сломалась, пошла наперекосяк!.. Ты этого, что ли, хотела? Ну, чего молчишь? Ты ж хотела, чтобы я сюда пришёл, обижалась, что не хожу... Ну вот, я пришёл! И что дальше? Ты — в могиле, брат — тоже, я — живой труп... и ты рада, мама?

Волков налил ещё — и жадно выпил. Когда шёл сюда, думал, что посидит возле могилы — и ему полегчает. Но пока в душе как не было, так и нет, грудь сжимается от тоски, саднит, сердце ноет...

— Почему мы так мало любили друг друга, мама? — прошептал он, глядя на овальный её портрет. — Почему брат Славка, пьянь и бич, был дороже тебе, чем я? А ведь я так заботился о тебе, ухаживал за тобой, помогал во всём... Это нынче я опустил, а тогда я был мужик что надо, крепкий и трезвый, удачливый и весёлый. Я стоял на пороге новой жизни, я уже собирался перешагнуть этот порог — но ты подставила мне подножку... Ну чего ты так смотришь? Разве я не прав? Или ты хочешь сказать, что я тоже недостаточно тебя любил? Да, наверное, это так... но я никогда не уклонялся от выполнения сыновнего долга... Правда, если уж честно, в последние твои дни я мысленно тебя подгонял, поторапливал... твою затянувшуюся агония, мама, могла бы быть и покороче... Ты измучила меня, я изнемог от усталости... А в последний день, когда участковый врач сказал, что смерть наступит с минуты на минуту, я, оставшись с тобой наедине, помню, даже шептал: «Ну же, мамочка, хватит тянуть! Сколько можно?..» И ещё. Пусть всё это звучит и ужасно, но я знал, что если ты умрёшь позднее пяти часов вечера (а была пятница), то я уже не успею оформить в тот же день медицинские документы, и вся волокита затянется надолго. А был июль, дикая жара... ну, ты понимаешь, мама, что затягивать это дело было совсем ни к чему... И вот, когда на часах было уже около пяти, а ты хоть и находилась в глубокой коме, но ещё жила, я осмелился ускорить процесс: взял вторую подушку — и положил её на твоё лицо... Нет-нет-нет! Ты

не мучилась, не страдала! Ведь ты была без сознания, в коме, ты ничего не чувствовала... Так что я, выходит, избавил тебя от дальнейших ненужных страданий... ты отмучилась! Разве не так? И я успел в тот же день оформить все документы, и успел поместить тебя в морг, и быстро договорился насчёт похорон... Я всё сделал как надо, я всё успел!

Он выплеснул в стакан остатки водки, выпил. Долго сидел молча.

— Лучше бы ты меня не рожала, мама, — сказал он вдруг. — Мне нечем тебя порадовать и утешить. Я, наверное, не люблю тебя. И никогда не любил. Я вообще не знаю, что такое любовь. А ты знаешь, мама? Мне так кажется, что на этом свете вообще никто никого не любит... И я больше не приду к тебе, никогда не приду. А ты больше не снись мне, пожалуйста, — ни к чему всё это... Договорились? Ну всё, прощай.

Он встал, покачиваясь, помахал вялой ладонью, вышел из оградки и направился было к центральной аллее. Но густые заросли крапивы тут же преградили ему дорогу, и все попытки прорваться сквозь эти жгучие джунгли были тщетными.

— Что за чёрт! — раздражённо выкрикнул Волков, топчась и ломая негнущиеся стебли, обжигаясь и дико бранясь от боли и нетерпения. — Да пусть же, в конце концов!..

Но крапива казалась непроходимой, она застила ему свет, обжигала лицо и руки, оплетала ноги густыми и цепкими, как ядовитые щупальца, стеблями...

Завязнув в крапивной чащобе, он испугался, запаниковал, заметался, тщетно пытаясь вырваться, с отчаянным криком рванулся прочь, но, споткнувшись, упал, лицом вниз, в какую-то яму, особенно густо заросшую крапивой. Издав рыдающий вопль, он судорожно задёргался — и затих, обессиленный, изнемогший.

Там его и нашли через два дня — мёртвого, неузнаваемого, с искажённым от ужаса серым лицом, покрытым фиолетовыми волдырями.